
KPD
2341
NEDL TRANSFER
HN 2PJN N
Digitized by Google

J. Shatzky

Русская Библіотека.

№ 3.

РОЛЬ ИДЕЙ, УЧРЕЖДЕНІЙ И ЛИЧНОСТИ ВЪ ИСТОРІИ.

Проф. Н. КАРѢЕВА.

ОДЕССА.
Тип. Исаковича, уг. Гаванной и Дерибасовской, с. д., № 10.
1895.

Дозволено цензурою.—Одесса, 9 января 1895 г.

РОЛЬ ИДЕЙ, УЧРЕЖДЕНІЙ И ЛИЧНОСТИ ВЪ ИСТОРІИ*).

(Исторія, эволюція и прогрессъ).

Историческій процессъ заключается въ эволюціи культуры и соціальныхъ формъ, осуществляемой только посредствомъ человѣческой дѣятельности: исторія есть дѣятельность, ея процессъ складывается изъ поступковъ человѣка. Гдѣ, оставаясь на одной и той-же ступени развитія, особи повторяютъ одни и тѣ-же поступки, гдѣ ихъ соціальная организація, состоящая въ повтореніи однихъ и тѣхъ-же отношеній, не измѣняется, гдѣ идеи человѣка, вліяющіе на его поступки, остаются прежнія, тамъ, какъ у животныхъ и дикарей, нѣтъ исторіи: исторія начинается лишь тогда, когда единица вноситъ нѣчто новое, необычное въ систему поступковъ, содѣйствуя измѣненію культуры, когда усложняется соціальная организація вслѣдствіе возникновенія новыхъ отношеній, когда являются идеи, дѣлающіяся мотивами новыхъ поступковъ. Въ этомъ начало исторіи и ея принципъ. Личность можетъ вносить въ жизнь что-либо новое либо вслѣдствіе своего особаго положенія въ соціальной организаціи, либо по своимъ иде-

*) Основные вопросы философіи исторіи. т. II, книга IV, гл. I.

ямъ, т.-е. такъ или иначе выдвигаясь и выдѣляясь изъ массы. Большое отличіе личности отъ другой въ соціальной организаціи возможно только при сложности и обширности послѣдней. Сами новыя идеи возникаютъ лишь при личной инициативѣ и наиболѣе замѣтные плоды даютъ только въ обширныхъ соціальныхъ организаціяхъ. Историческій процессъ зарождается поэтому съ образованія государствъ: только въ государствѣ возможно появленіе людей, которые даютъ широкое примѣненіе новымъ идеямъ, въ родовомъ быту личность повторяетъ лишь поступки своихъ предковъ и не имѣетъ широкаго поля для примѣненія своей идеи. И дѣйствительно, въ началѣ исторіи мы видимъ всегда основателя и основателей государства, какъ болѣе обширной соціальной организаціи,—и религіи, какъ системы идей, которыя находятся въ противорѣчіи съ прежнею дѣйствительностью. Общественный дѣятель, государство и религія, выдающаяся личность, широкая организація, система идей, заключенная въ извѣстную форму,—вотъ что отличаетъ историческую жизнь отъ жизни доисторической, гдѣ существенныя измѣненія происходятъ только путемъ органической эволюціи въ маленькихъ аггрегатахъ съ неразвитою культурою. Это бытъ, а не исторія. И эволюція исторіи вся идетъ къ тому, чтобы сдѣлать возможнымъ развитіе личной инициативы, обнять въ системѣ соціальныхъ взаимодѣйствій все человѣчество и осуществить въ жизни новыя идеи, постепенную эволюцію идеаловъ. Другими словами, вотъ когда начинается исторія,—когда именно, съ одной стороны, вслѣдствіе какихъ-бы то ни было причинъ въ обществѣ развивается



личная инициатива и основанная на ней дѣятельность при достаточномъ развитии *идей* и *учрежденій* путемъ предшествующей исторіи коллективной и безсознательной дѣятельности смѣняющихъ одно другое поколѣній. О *личной инициативѣ* у насъ рѣчь будетъ идти впереди, а теперь мы остановимся на значеніи *идей* и *учрежденій* въ исторіи.

Значеніе идей въ исторіи есть значеніе идеаловъ въ жизни, т.-е. одного изъ факторовъ въ мотиваціи поступковъ. Такъ какъ дѣйствительность въ своемъ развитіи не представляетъ чисто логическаго процесса, то и смѣна человѣческихъ идеаловъ въ исторіи совершается не по логическому закону, а находится въ зависимости отъ разнообразныхъ причинъ, производящихъ различныя перемѣны въ дѣйствительной жизни. Мы согласны, что идеи управляютъ ходомъ исторіи, но именно тѣ идеи, которыя наиболѣе оказываютъ на него вліянія, сами находятся въ зависимости отъ этого хода. Идеи чисто отвлеченныя, наприм., математическія истины не оказываютъ непосредственно вліянія на судьбы народовъ, но и сами непосредственно не зависятъ отъ этихъ судебъ. Другое дѣло—идеи о должномъ (деонтологическія): онѣ мотивируютъ поступки человѣка, но въ тоже время сами суть продуктъ данной минуты, данныхъ обстоятельствъ, даннаго состоянія общества. Не всѣ идеи, другими словами, управляютъ исторіей, равно какъ не однѣми идеями направляется ея ходъ. Вотъ необходимая поправка формулы: *идеи управляютъ исторіей.* Это часто забываютъ, а отсюда односторонности, преувеличенія, недоразумѣнія, споры и возраженія, производимыя примѣненіемъ и вызываемые

критикой этой формулы*). Съ другой стороны, всѣ соціальныя отношенія въ концѣ концовъ покоятся на извѣстной системѣ идей, на извѣстныхъ принципахъ, вслѣдствіе чего при изученіи учрежденій необходимо обращать вниманіе на идеи, лежащія въ ихъ основѣ. Отсюда то убѣжденіе, что для общественной перестройки необходимо прежде всего измѣненіе идей въ обществѣ, хотя, съ другой стороны, измѣненіе идей немыслимо при неизмѣнности общественнаго строя. Такимъ образомъ, жизнь и идеи находятся въ вѣчномъ взаимодѣйствіи: идеи создаютъ жизнь, жизнь порождаетъ идеи; безъ смѣны идей нѣтъ перемѣнъ въ жизни, безъ перемѣнъ въ жизни нѣтъ смѣны идей; идея уступаетъ мѣсто другой подъ вліяніемъ жизни, старая форма жизни смѣняется новою при участіи идей. Смѣна идей есть субъективная сторона исторіи, смѣна формъ жизни—объективная. Отъ знанія субъективной стороны мы заключаемъ къ объективной и наоборотъ. Идея есть и факторъ, и продуктъ исторіи.

Въ исторіи мы можемъ обнаружить существованіе двухъ родовъ эпохъ: органическихъ и критическихъ**). Первыя—тѣ, въ которыхъ существуютъ

*) См. „Цивилизація и дикія племена", § 3. Идеи въ исторіи (Отеч. зап., т. CLXXXIV, стр. 119 sq.). Lazarus. Ueber die Ideen in der Geschichte (Zeitschr. für Völkerpsychologie III, 385—486). Важныя соображенія мы находимъ у Bagehot'a, въ четвертой книгѣ его Lois scientifiques du développement des nations (L'âge de discussion, 172 sq).

**) Это различеніе впервые было формулировано С. Симономъ и особенно развито его ученикомъ Базаромъ. Doctrine saint-simonienne P. 1830 (2 изд.), стр. 79 sq., 95, 108, 137 sq., 161 sq., Cf. Ferraz. Étude sur la philosophie en France en XIX s., 34 sq. Ее приняли Comte, Ferron (Théorie du pro-

общепризнанныя идеи, лежащія въ основѣ всей соціальной жизни; вторыя—тѣ, въ которыхъ совершается критика этихъ началъ, исканіе новыхъ. Понятное дѣло, что движеніе впередъ совершается при помощи критическихъ эпохъ, когда общество переростаетъ общепризнанные идеалы, да и вся исторія, строго говоря, есть рядъ критическихъ эпохъ: вполнѣ органическія эпохи мы находимъ только у дикарей и у народовъ, такъ сказать, застывшихъ на извѣстныхъ формахъ быта. Для народовъ, не принимающихъ *statum quo* за нѣчто неизмѣнное, стремящихся реформировать дѣйствительность, идеалъ есть путеводная звѣзда при движеніи впередъ, тогда какъ для народовъ, не имѣющихъ представленія о возможности иной жизни, такъ сказать, увѣковѣчивающихъ свое настоящее, идеалъ есть сама дѣйствительность, или, вѣрнѣе—цѣпь, приковывающая ихъ къ вѣчному *одно и то-же*. Вотъ почему мы дѣлимъ время существованія человѣчества на доисторическое и историческое и народы на историческіе и неисторическіе. Исторія есть смѣна идеаловъ: когда народъ впервые заявляетъ новыя требованія отъ жизни, онъ вступаетъ въ историческую эпоху своего бытія и дѣлается народомъ историческимъ. Всѣ племена земнаго шара вышли изъ одного,—въ смыслѣ общности идей и формъ жизни,—состоянія, и философія исторіи должна его изобразить, какъ исходный пунктъ всего совершившагося прогресса, чтобы слѣдить затѣмъ за измѣнявшеюся судьбою тѣхъ частей человѣчества, которыя не остались въ первобытномъ состояніи. Здѣсь

grès, I, 292 sq., 310 sq., 472 sq., II, 434 sq.) и др. Мы дѣлаемъ нѣсколько иное примѣненіе этой теоріи.

мы опять встрѣтимъ двѣ группы народовъ: одни остановились на сравнительно низшихъ ступеняхъ быта, другіе ушли далеко впередъ; первые народы варварскіе, вторые—цивилизованные**). Главнымъ предметомъ философіи исторіи дѣлаются поэтому народы цивилизованные, которымъ принадлежитъ будущность, и только при помощи которыхъ могутъ теперь двинуться впередъ отставшія племена земнаго шара.

Что-же выдвигаетъ историческіе народы изъ остальной массы человѣчества? А то именно, что они живутъ идеалами, представляя себѣ лучшаго человѣка и лучшее общество, чѣмъ вообще данные въ дѣйствительности. Тѣ идеи, на которыхъ держится ихъ общественный бытъ и которыми регулируется ихъ частная жизнь, измѣняются: недовольство данною дѣйствительностью, стремленіе ее измѣнить—вотъ двигатель исторіи. Дикарь ничего не знаетъ о своемъ прошломъ, не знаетъ, что его предокъ стоялъ на еще болѣе низкой ступени развитія. Его жизнь представляется ему отъ вѣка и до вѣка въ однѣхъ и тѣхъ-же формахъ. Человѣкъ, начав-

*) Впрочемъ, термины эти могутъ быть употребляемы только въ разговорномъ языкѣ, но въ строго научномъ изложеніи они неудобны: цивилизаціей называютъ культуру, похожую на строй жизни современной Европы; варварствомъ —общество съ военно-хищническими цѣлями, для дикости остаются отрицательные признаки обществъ, не подходящихъ подъ рубрики варварства и цивилизаціи. Вообще такая классификація очень затруднительна. «Цивилизація и дикія племена». § 18, стр. 112 sq. Тѣмъ не менѣе авторъ указанной статьи считаетъ возможнымъ употребленіе этихъ терминовъ. § 20, стр. 122.

шій жить историческою жизнью, уже сознаётъ, что онъ цивилизовался: ему нуженъ миѳъ о какомъ-нибудь благодѣтельномъ божествѣ, которое научило его первымъ основамъ культурной жизни; ему нужно сказаніе о переселенцахъ изъ болѣе образованныхъ странъ, принесшихъ съ собою зачатки гражданственности; здѣсь впервые зарождается идея прогресса и является представленіе о чемъ-то болѣе совершенномъ, чѣмъ окружающая дѣйствительность: нѣтъ надобности, что человѣкъ сначала полагаетъ „золотой вѣкъ“ въ прошломъ, что онъ идеализируетъ бытъ далекихъ, ему неизвѣстныхъ и часто только въ его фантазіи существующихъ народовъ,—важно то, что у него есть представленіе объ идеальной жизни, ибо здѣсь зародышъ критическаго отношенія къ дѣйствительности.

Разъ мы изучаемъ эту сторону исторіи, мы невольно сравниваемъ идеи предшествовавшихъ намъ поколѣній съ нашими и приходимъ, такимъ образомъ, къ ихъ оцѣнкѣ. Возьмемъ, наприм., идею античнаго государства, разложимъ ее на составные элементы, и мы увидимъ, что въ древности государство понималось, какъ небольшая община гражданъ, поглощенныхъ такимъ цѣлымъ, и живущихъ трудомъ рабовъ, а это находится въ противорѣчіи съ нашимъ понятіемъ о государствѣ, въ которомъ принципъ политической солидарности распространяется на цѣлую націю или на населеніе цѣлой территоріи, болѣе отводится мѣста жизни для себя и признается равное право за всѣми жителями страны. Мы говоримъ попоэтому, что нашъ идеалъ государства выше античнаго, что наше опредѣленіе государства болѣе соот-

вѣтствуетъ своей идеальной цѣли, нежели то, которое мы находимъ у мыслителей древняго міра. Въ то же самое время древній грекъ имѣлъ право дѣлать подобное-же заключеніе изъ сравненія своей политіи съ государствами варваровъ, которыя ему были неизвѣстны: въ основѣ послѣднихъ лежала не политическая солидарность гражданъ, выразившаяся въ словахъ το κοινον, *res publica*, а идея, которая въ новое время была формулирована Людовикомъ XIV въ знаменитомъ „l'état—c'est moi",—въ древнихъ государствахъ Востока было еще меньше признанія жизни для себя, еще большее неравенство людей, освященное, наприм., ученіемъ о божественномъ происхожденіи кастъ. Съ своей стороны, каждая восточная деспотія могла-бы точно также считать себя выше общества дикарей, ибо все-таки представляла извѣстный укладъ соціальной жизни, извѣстныя нормы, вмѣсто полной анархіи и войны всѣхъ противъ всѣхъ въ совершенно дикомъ состояніи. Для насъ, конечно, античный идеалъ кажется несовершеннымъ, ибо мы начинаемъ осуществлять въ своей исторіи такую идею государства, какая и не представлялась уму мыслителей Греціи и Рима, но было время, и очень недалекое время, когда республики античнаго міра казались недосягаемымъ идеаломъ; но это было именно такимъ временемъ, когда идеи, лежавшія въ основѣ общественнаго строя, мало чѣмъ разнились отъ принциповъ восточной деспотіи. Однако и тогда уже были люди, которые ясно понимали слабыя стороны античнаго государства, ускользавшія отъ взоровъ даже передовыхъ классическихъ мыслителей: Платонъ и Аристотель стоятъ

за партикуляризмъ, за поглощеніе личности государствомъ, за существованіе рабства. Въ природѣ сущность вещи не измѣняется, въ исторіи мы видимъ измѣненіе самой сущности вещи, т.-е. ея принципіальной стороны: сущность организма, напр., одна и та-же на всѣхъ ступеняхъ органической жизни; объективно сущность государства на Востокѣ, у классическихъ народовъ, въ новое время—различная; если-бы на Востокѣ писались политическіе трактаты по всѣмъ правиламъ науки, то подъ восточное опредѣленіе государства не подошли-бы греческія политіи и италическія *civitates*, какъ принципами аристотелевой *Политики* нельзя объяснить наше новое государство. Все дѣло зависитъ тутъ отъ того, что въ каждомъ историческомъ явленіи есть субъективная сторона: государство есть не только явленіе, но и извѣстное пониманіе этого явленія, не только ein Naturproduct, но и воплощеніе извѣстнаго идеала, не только то, что есть, но и то, что, по мнѣнію тѣхъ или другихъ людей, должно быть. Въ исторіи смѣна формъ общественной жизни есть развитіе идеала, совершающееся, конечно, не чисто логическимъ путемъ, какъ у Гегеля, а совокупною дѣятельностью личностей, постепенно приходящихъ къ самосознанію, къ болѣе высокому пониманію своего достоинства и своихъ правъ. Какъ всякое государство есть именно то, чѣмъ его себѣ представляютъ граждане, такъ и отдѣльный человѣкъ есть то, въ чемъ онъ усматриваетъ свою сущность. Объективно сущность человѣка одна и та-же у всѣхъ народовъ и во всѣ времена, но субъективно она измѣняется: современный цивилизованный человѣкъ иначе понимаетъ свое на-

значеніе, чѣмъ античный грекъ; этотъ иначе смотрѣлъ на себя, чѣмъ житель какой-нибудь Ассиріи, а тотъ, въ свою очередь, видѣлъ въ себѣ нѣчто иное, чѣмъ первобытный дикарь. Гдѣ человѣкъ приходилъ къ новому пониманію своего *я*, тамъ онъ стремился согласовать свое внѣшнее положеніе съ этимъ пониманіемъ. Индусскій шудра, который былъ увѣренъ, что онъ существо низшей породы, такъ и оставался шудрою, но римскій плебей, дошедшій до сознанія своего достоинства, сталъ добиваться равноправности. Поэтому и историческая жизнь, собственно говоря, начинается съ момента, когда впервые человѣкъ приходитъ къ высшей степени самосознанія, нежели та, на которой она находится въ первобытныя времена. Въ извѣстной степени, слѣдовательно, и Гегель правъ, видя въ исторіи прогрессъ въ сознаніи духомъ своей сущности. Это—процессъ субъективный: сущность человѣка есть то, какъ человѣкъ ее понимаетъ, и такъ какъ каждая ступень въ этомъ самосознаніи есть новое пониманіе, то сущность духа есть жизнь и развитіе, какъ сущность матеріи—вѣчный покой и застой: она всегда одна и та же, но духъ есть то, что онъ о себѣ мыслитъ.

На почвѣ этого внутренняго опыта только и возникаетъ идея развитія, какъ совершенствованія: для насъ собственное развитіе есть не что иное, какъ сознаніе постепеннаго увеличенія знаній, уясненія мысли и эти процессы сознаются нами въ формѣ улучшенія нашего мыслящаго существа, его возвышенія*), а сознаніе этого возвышенія вызываетъ въ

*) **Современныя ученія о нравственности и ихъ исторія (Отеч. Записки, 1870, IV, 437).**



насъ рефлексивный процессъ обязательности*): внутренняя элементарная обязанность для личности одна—обязанность развиваться, т.-е. работы мысли надъ всѣмъ, что ей доступно, критики, которая одна опредѣляетъ мысли и дѣйствія человѣка по степенямъ высшаго и низшаго ихъ достоинства по отношенію ихъ къ развитію личности*); цѣлями этой дѣятельности являются высшее умственное благо—истина и установленіе цѣлей, которыя подняли-бы личность выше того, чѣмъ она стояла, выработка идеала, стремленіе къ которому есть высшее влеченіе, противополагаемое низшимъ***). Не касаясь вопроса о генезисѣ чувства долга, мы, однако, можемъ теперь-же замѣтить, что нравственныя доктрины въ высшей степени измѣнчивы, но основа ихъ съ самаго начала выдѣленія человѣчества изъ животнаго міра не измѣнилась ни на іоту: моральный идеалъ всегда заключался въ выработкѣ себѣ нормы дѣятельности и неуклонномъ слѣдованіи этой нормѣ въ жизни, какъ въ частности идеалъ справедливости былъ въ томъ, чтобы обращаться съ другими по ихъ достоинству и поддерживать признанное за ними достоинство****). Сначала знанія были слабы, умъ неповоротливъ, пріемы критики не выработаны, вслѣдствіе чего получались такія нормы дѣятельности и такая оцѣнка чужого достоинства, которыя представляются ложными болѣе развитому сознанію. Такъ, для насъ древне-римская *virtus*, состоявшая въ узко-понятомъ патріотизмѣ и военной храбрости, и

*) Ibid., 438. **) Ibid, 439. ***) Ibid. 440.

****) Формула прогресса г. Михайловскаго (Отеч. Записки, 1870. II, 239).

оцѣнка человѣческаго достоинства раба, выразившаяся въ ученіи, что рабъ не лицо (persona), а вещь (res)—представляются ложными, и мы привѣтствуемъ, какъ болѣе истинный взглядъ, доктрину позднѣйшихъ стоиковъ, которые объявили, что отечество мудреца—вселенная, что добродѣтель состоитъ не въ одномъ внѣшнемъ дѣйствіи, но и во внутреннемъ состояніи души, и что всѣ люди по нравственному своему достоинству равны. Всѣ отношенія въ обществѣ держатся на оцѣнкѣ людьми своего и чужого достоинства.

Сразу ничего не происходитъ въ мірѣ. Если исходнымъ пунктомъ человѣческаго существованія было такое состояніе, въ коемъ личность руководилась исключительно своими инстинктами грубо животнаго свойства, и столько-же цѣнила въ другой личности ея достоинство, и если, съ другой стороны, мы достигли болѣе высокаго состоянія, именно сознавая въ себѣ существованіе нравственнаго *я*, ставящаго свое убѣжденіе выше влеченій, неоправдываемыхъ разумомъ, и признавая для всѣхъ людей равное достоинство по возможности нравственнаго развитія, въ нихъ заключающейся,—то между этими двумя моментами, между *terminus a quo* и *terminus ad quem* существуетъ множество переходныхъ ступеней, которыя можно было-бы идеально расположить въ извѣстномъ порядкѣ, какъ постепенное развитіе идеаловъ. Только тамъ есть дѣйствительная исторія, гдѣ человѣкъ стремился поднять дѣйствительность до идеальнаго и гдѣ идеальное воплощалосс въ дѣйствительности, какъ-бы ни были *для насъ* ошибочны эти идеалы. Прогрессъ есть эволюція идеаловъ исти-

ны, добра и справедливости, и если-бы одинъ разумъ, одинъ Νοῦς, какъ думаетъ Гегель*), управлялъ ходомъ исторіи, то послѣдній былъ-бы дѣйствительно логическимъ процессомъ и человѣкъ въ каждый данный моментъ обладалъ-бы знаніемъ, которое было-бы выводомъ изъ предыдущаго знанія и ступенью къ знанію высшему. Но этого-то и нѣтъ въ дѣйствительности. Человѣчество шло, такъ сказать, ощупью по путямъ, на которые толкалъ его слѣпой рокъ. Не даромъ Шеллингъ говоритъ, что до сихъ поръ исторіей человѣчества управляли сначала слѣпая сила судьбы, а потомъ природа (что для насъ одно и то-же), и что только въ третьемъ періодѣ разумъ замѣнитъ рокъ и природу**), хотя и это невѣрно, ибо съ того момента, какъ человѣкъ почувствовалъ себя существомъ разумнымъ и требованія своего разума сталъ осуществлять въ жизни, началась роль разума въ исторіи міра.

Появленіе въ обществѣ идей въ указанномъ смыслѣ знаменуетъ начало исторіи, но другимъ моментомъ этого начала является образованіе политическихъ учрежденій, т.-е. сложной соціальной организаціи. Вотъ почему и говорятъ, что исторія возможна только съ возникновеніемъ государства.

Государство—высшая соціальная организація, въ основѣ коей лежитъ необходимо кооперація. Есть кооперація безсознательныя, развивающіяся безъ участія мысли во время преслѣдованія частныхъ цѣ-

*) Hegel. Philosophie der Geschichte. 15, 12.

**) Schelling. System des transcend. Idealismus, 603 sq. Собственно говоря, въ философіи Шеллинга это имѣетъ нѣсколько иной смыслъ, чѣмъ мы ему придаемъ.

лей, и есть кооперацiи, придуманныя сознательно по идеѣ, предполагающiя ясное сознанiе общественныхъ цѣлей. Въ первомъ случаѣ естественно возникающiй обмѣнъ услугъ создаетъ кооперацiю для удовлетворенiя *личныхъ* нуждъ, во второмъ она создается, имѣя непосредственно въ виду задачи, предполагающiя цѣлое общество. Одна организацiя порождается усилiями единицъ ради самосохраненiя, другая— усилiями самосохраненiя цѣлаго аггрегата. Послѣдняя-то, сознательно исполняя направляющiя и сдерживающiя функцiи для общественныхъ цѣлей, и есть политическая организацiя. Что касается до ея эволюцiи, то таковая совершается, особенно въ началѣ, только путемъ принужденiя: въ обществѣ устанавливается личное главенство, обусловленное старшинствомъ, физической силой, умственнымъ превосходствомъ и т. п. и только съ теченiемъ времени оно переходитъ въ постоянное учрежденiе, необходимость коего упрочивается продолжительностью военныхъ дѣйствiй между мелкими соцiальными единицами и которое можетъ сохраниться въ первобытномъ обществѣ только путемъ наслѣдственной передачи власти. „Какое-нибудь учрежденiе, по словамъ Спенсера, не можетъ стать постояннымъ въ первобытной общинѣ до тѣхъ поръ, пока функцiи каждой единицы, входящей въ составъ этой общины, опредѣляются ея личными способностями"*). Образованiе государствъ было началомъ развитiя цивилизацiи: гдѣ не было политической организацiи, тамъ почти не было и прогресса и, наоборотъ, тѣ древнiя общества, гдѣ мы впервые встрѣчаемся съ

*) *Спенсеръ*. Развитiе политическихъ учрежденiй, 129 sq.

значительно развитою цивилизацiей, находились подъ автократическимъ управленiемъ. Конечно, это не есть conditio sine qua non всякой цивилизацiи, но только условiе ея начала, такъ какъ такая организацiя выгодна въ борьбѣ за существованiе: при условiяхъ быта первоначальныхъ обществъ иначе и не могло быть. Война сплачивала группы, подчиняла ихъ одну другой, принуждала единицы къ кооперацiи, усиливала въ обществѣ элементъ власти. Caeteris paribus изъ двухъ обществъ побѣждало то, гдѣ военная кооперацiя была всеобщей, гдѣ усилiя воюющихъ въ наибольшей степени поддерживались усилiями невоюющихъ, гдѣ часть, состоящая изъ воиновъ, относилась къ части производителей въ наивозможно большей пропорцiи, гдѣ усилiя всѣхъ комбинировались наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ. Все это предполагаетъ существованiе сильныхъ принудительныхъ механизмовъ не только сдерживающей, но и понуждающей власти. Но такая структура сильно, съ другой стороны, противодѣйствуетъ перемѣнамъ, а она какъ разъ несвойственна маленькимъ примитивнымъ группамъ: правда, въ личности, поглощенной деспотическимъ государствомъ, развивались, главнымъ образомъ, инстинктъ повиновенiя, довѣрiе къ социальному авторитету, рутинность, отсутствiе индивидуальной инициативы, но за то на большихъ территорiяхъ внутренняя война прекращалась, внѣшняя-же не занимала уже всѣхъ свободныхъ людей, что дозволяло значительному количеству лицъ работать на себя, а это способствовало развитiю кооперацiи добровольной и до извѣстной степени эманципировало личность. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

большая организація, усиливая власть ея главы, превращала послѣдняго на первыхъ-же порахъ въ личность, которая и по своей силѣ, и по широтѣ поля дѣйствія была способной производить наибольшее, при низкомъ уровнѣ культуры, количество перемѣнъ въ исторіи. Что касается до задерживающей силы большой организаціи, то бываютъ и идеи, которыя задерживаютъ часто движеніе исторіи.

Въ чемъ-же самая сущность этого движенія, что отличаетъ процессъ историческій отъ другихъ перемѣнъ? На это давались разные отвѣты, но вопросъ о сущности историческаго движенія можно считать однимъ изъ наиболѣе неразработанныхъ въ теоріи исторіи.

Первая причина этого явленія заключается въ томъ, что очень немногіе считали нужнымъ подвергнуть разбору вопросъ самъ по себѣ. Другая причина—та, что въ дѣлѣ, гдѣ прежде всего нуженъ анализъ элементовъ, большинство считало возможнымъ за исходный пунктъ брать факты, сами по себѣ сложные, представляющіе изъ себя уже сложные результаты человѣческой дѣятельности,—результаты, которые играютъ и роль условій для дѣятельности послѣдующей. Несмотря, однако, на крайнее разнообразіе взглядовъ отдѣльныхъ писателей, мы видимъ все-таки нѣкоторыя общія идеи, которыя лежатъ въ основѣ этихъ взглядовъ, идеи, не всегда вѣрно формулированныя и нерѣдко односторонне представленныя. Первою изъ этихъ идей является существованіе въ обществѣ чего-то, что противится движенію, будетъ ли это принудительный принципъ государства, традиція, привычка, подражаніе, и т. п.;

другою идеей является нѣчто этому противоположное, нѣчто, стремящееся пробить брешь въ *status quo*, и это нѣчто ищется не въ чемъ иномъ, какъ въ человѣческой личности. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ не показано, какимъ образомъ личность можетъ освободиться отъ исключительнаго господства всякой принудительной силы, традиціи, привычки, подражательнаго повторенія, и какимъ образомъ эманципація однихъ вызываетъ эманципацію другихъ. За крупными теченіями исторіи, которыя, разсматриваемыя à vol d'oiseau, какъ-бы не нуждаются въ томъ, чтобы доводить до послѣдней степени анализъ силъ, создающихъ нѣкоторыя равнодѣйствующія,—за этими крупными теченіями забываются болѣе мелкія, сумма коихъ и составляетъ, собственно говоря, каждое крупное теченіе: въ самомъ дѣлѣ, для чего, кажется, взвѣшивать каждую матеріальную частицу тѣла, когда намъ извѣстенъ центръ его тяжести? Не легче ли говорить просто объ исторической дѣятельности народа, объ общихъ условіяхъ этой дѣятельности, о послѣдовательной связи между эпохами его бытія, не проникая во внутренній процессъ того взаимодѣйствія между отдѣльными личностями, результатомъ котораго и является народная жизнь? Не проще ли ограничиваться крупными чертами исторіи, имѣть дѣло съ общими причинами и общими слѣдствіями, которыя поддаются какой ни на есть опредѣленной формулировкѣ, [нежели разлагать всю совокупность соціальныхъ фактовъ на ихъ элементы, теряя затѣмъ изъ виду эти общія причины за массою единичныхъ фактовъ? Большинство философовъ исторіи такъ и поступало

по самой сущности своей задачи—обобщать историческіе факты, а соціологи, которымъ, наоборотъ, слѣдовало бы доходить въ анализѣ этихъ фактовъ до послѣдняго предѣла, предпочитали имѣть дѣло съ сложными явленіями, съ общими понятіями, не заглядывая въ ту внутреннюю лабораторію общества, которая производитъ все то, что они стремятся классифицировать, систематизировать, формулировать, говоря о взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ элементовъ надъ-органической среды, о способѣ ихъ эволюціи и т. п. За этими умственными операціями забывается самая сущность историческаго процесса. Наконецъ, третьи думаютъ, что историческій процессъ самъ по себѣ очень понятенъ; все живое должно измѣняться, долженъ измѣняться и внѣшній видъ общества, такъ какъ люди постоянно стремятся къ перемѣнамъ. Это, конечно, правда, но слишкомъ неопредѣленная правда, и какъ бы ни была проста и очевидна такая истина, она требуетъ дальнѣйшаго развитія, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы не могло появляться такихъ теорій историческаго процесса, которыя его объяснить не въ состояніи. Тутъ нужно рѣшить вопросъ, какъ создаются общія теченія исторіи и какъ происходятъ ея перемѣны въ ту или другую сторону, гдѣ тотъ факторъ, который направляетъ теченіе по тому или другому руслу и производитъ ту или другую перемѣну. Намъ отвѣчаютъ, что это—человѣческая личность, но какъ все это происходитъ, остается въ большинствѣ случаевъ неразъясненнымъ, хоть и высказываются отдѣльныя мысли, достойныя всякаго вниманія: простая истина не дается въ руки, если мы подходимъ къ ней съ видимымъ намѣ-

реніемъ облечь ее въ идеологическія формулы, изложенныя въ выраженіяхъ *ad hoc* придуманныхъ. По нашему мнѣнію, самое важное здѣсь—опредѣленіе роли личности въ исторіи*).

Нѣкогда велся споръ о томъ, кто производитъ движеніе исторіи—такъ называемые великіе люди или народныя массы, герои или толпа. Намъ этотъ споръ кажется не имѣющимъ научнаго значенія. Что такое великій человѣкъ? Человѣческая личность. Что такое народная масса? Совокупность человѣческихъ личностей. Въ чемъ же споръ? Одна ли личность двигаетъ исторію или многія личности? Скажемъ: одна,—но это значитъ, что масса—нѣчто инертное, пассивное. Скажемъ: всѣ,—но это значитъ, что всѣ одинаковы, всѣ одновременно приходятъ къ одной мысли и идутъ впередъ безъ вожаковъ. Одно вѣрно: главный факторъ движенія суть личности вообще, но между ними есть безконечная градація отъ великаго человѣка, который раньше, яснѣе и лучше другихъ формулируетъ общественную мысль или пускаетъ въ ходъ совсѣмъ новую идею и умѣетъ искуснѣе всѣхъ соединить силы общества для движе-

---

*) *П. М-овъ* Научныя основы исторіи цивилизаціи. (*Знаніе* 1872. Стр. 89 sd, 95 sq.). *Его же,* Введеніе въ исторію мысли, 93 sq. „Цивилизація и дикія племена“, § 16, стр. 307 sq., § 17, стр. 97 sq. Для теоріи великихъ людей. *Hegel.* Philosophie der Gesch , 37 sq. *Cousin,* Oeuvres. I, 77 sq. *Carlyle.* On heroes. *James.* Les grands hommes, les grandes pensées et le milieu. (*Critique philosophique.* 1881, jauvier—février). *Joly.* Psychologie des grands hommes. 1883. *Galton.* Hereditary genius (русск. пер. въ журн. *Знаніе*). *Fouillée.* L'idée moderne du droit. P. 1878. кн. I, гл. V: le droit du génie. Les grands hommes et les hommes providentiels. Крайности теоріи разобраны у Спенсера. Изученіе соціологіи. I, 44 sq.

нія,—до послѣдней сошки, которая ничего не способна выдумать и ничего организовать. Кто же преимущественно двигаетъ общество? Личности, которыя создаютъ и распространяютъ новыя идеи и комбинируютъ силы общества для движенія. Какъ въ природѣ индивидуальная измѣнчивость есть факторъ измѣняемости вида, такъ въ исторіи личная инниціатива измѣняетъ культуру и соціальную организацію. Культура и строй общества существуютъ не сами по себѣ: носителями первой являются индивидуумы; послѣдній держится, пока слагающіеся въ общество индивидуумы безсознательно или сознательно его поддерживаютъ. Разъ появилось безсознательное или сознательное уклоненіе отъ данной культуры и данныхъ формъ общественной организаціи, есть уже личная инниціатива. Чѣмъ больше это уклоненіе, чѣмъ оно сознательнѣе и чѣмъ большее количество людей способно за собою увлечь, т. е. чѣмъ въ большемъ количествѣ личностей вызывается это уклоненіе, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ личная инниціатива. Историческими дѣятелями мы называемъ тѣхъ людей, которые либо внесли совсѣмъ новыя идеи, либо дѣйствовали съ особымъ сознаніемъ, либо выразили въ себѣ назрѣвшія потребности общества, вызванныя естественнымъ его ростомъ, либо съумѣли соединить силы общества для выполненія своихъ плановъ. Мы ихъ назовемъ истинно великими, если они содѣйствовали прогрессу, хотя бы и не имѣли въ свое время успѣха. Во всякомъ случаѣ двигателемъ исторіи является личность: она перерабатываетъ культуру и общественныя формы, когда онѣ ее болѣе не удовлетворяютъ. Общество есть механизмъ, вѣчно

самъ себя исправляющій, организмъ, вѣчно самъ себя поддерживающій, произведеніе искусства, вѣчно само себя совершенствующее. Но этотъ дѣятель, этотъ механикъ, медикъ, художникъ находится не внѣ общества, это—само общество, а такъ какъ оно есть дискретное, а не конкретное цѣлое, то въ такой роли являются именно его отдѣльные члены.

Но вотъ что вышло. Одни мыслители вывели отсюда идею свободы человѣка въ его дѣятельности, и Лоранъ, напр., критикуетъ философовъ и историковъ, которые вносили въ философію исторіи идею необходимости, видѣли ли ее они въ волѣ Божіей (Боссюэтъ), въ законахъ природы (Вико, Монтескье, Гердеръ, Ренанъ, Контъ, Бокль), въ законахъ логики (Гегель), въ случайныхъ сцѣпленіяхъ причинъ и слѣдствій (Вольтеръ, Фридрихъ Великій, Тьеръ): для него все это разные виды фатализма—католическій, античный, фатализмъ природы, климата и расы, фатализмъ революціонный, пантеистическій, позитивистическій, фатализмъ общихъ законовъ*). На эту сторону дѣла мы уже высказали свои взгляды, которые можемъ теперь формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) дѣятельность человѣка не безпричинна, какъ и ея мотивы (въ томъ числѣ личная иниціатива);

2) она управляется законами;

3) въ то самое время, какъ дѣйствія послѣднихъ варьируются подъ вліяніемъ разныхъ условій,

4) то или другое сочетаніе коихъ совершенно случайно.

*) *Laurent*, Etudes sur l'histoire de l'humanite' XVIII, кн. I, гл. I.



Появленіе той или другой личности, вносящей въ исторію свою иниціативу, поэтому совершенно случайно по отношенію къ закону эволюціи обществъ: нельзя сказать, что въ каждый данный моментъ появляются именно такіе люди, какіе нужны по закону эволюціи. Почему во Франціи послѣ Мирабо былъ Робеспьеръ, а послѣ Робеспьера—Бонапартъ, этого никакой общій законъ не объяснитъ. Между тѣмъ у Гегеля и у Кузена великіе люди—носители принциповъ развитія абсолютнаго духа въ его отдѣльныхъ моментахъ. Оба взгляда—и лорановскій, и гегелевскій слишкомъ преувеличиваютъ значеніе единицы: по первому ея дѣятельность совсѣмъ свободна, по второму она—воплощеніе самого духа исторіи. Но послѣдній взглядъ есть уже переходъ къ другому, по которому личная иниціатива ничто: единица—только зеркало, отражающее въ себѣ состояніе массы, какъ будто у выдающагося человѣка нѣтъ болѣе совершеннаго умственнаго аппарата, который перерабатываетъ бродящія въ обществѣ идеи такъ, какъ не переработали бы миріады заурядныхъ личностей, или словно единица соціальными отношеніями (властью, способами, дающими имѣть особую опытность, всестороннимъ образованіемъ и т. п.) не можетъ быть поставлена въ особыя условія, которыя позволяютъ ей произвести работу, массамъ недоступную. Каждый—сынъ своего народа и своего времени, но каждый имѣетъ и нѣчто индивидуальное: только эти индивидуальныя уклоненія двигаютъ культуру и общественныя формы, а самыя крупныя уклоненія даютъ право на безсмертіе. Каждый продуктъ личной иниціативы носитъ на себѣ слѣды индивидуума и на себѣ запе-

чатлѣваетъ ихъ въ исторіи: мы говоримъ, напр., о вѣкѣ Людовика XIV, Фридриха II, еще съ большимъ правомъ мы говоримъ о сократовскомъ движеніи, о системѣ Коперника, о теоріи Дарвина. Гдѣ нѣтъ индивидуальнаго, а больше массоваго, тамъ мы это и отмѣчаемъ: мы говоримъ—французская революція, но имперія Наполеона I, романтическая литературу, но байронизмъ и пр. и пр. Нельзя отрицать, что Периклъ, Людовикъ XIV, Фридрихъ II, Наполеонъ I, наложили печать своей личности на свое время, что еще болѣе личнаго мы найдемъ въ философіи Сократа, въ системѣ Коперника, въ теоріи Дарвина, въ поэзіи Байрона, но что совсѣмъ массовой характеръ имѣютъ событія и движенія въ родѣ переселенія народовъ, крестовыхъ походовъ, коммунальной революціи въ ср. в., жакеріи, французской революціи, гуманизма, ложноклассицизма, романтизма и т. п. Можно ли въ самомъ дѣлѣ отрицать значеніе личной иниціативы? Мы знаемъ, напр., какъ палъ греческій политеизмъ. Отражалъ ли на себѣ своихъ современниковъ Ксенофанъ, когда за 6 вѣковъ до Р. Х., за тысячу лѣтъ до полнаго паденія вѣры въ боговъ Олимпа, отрицалъ ихъ существованіе? Конечно, нѣтъ, а между тѣмъ такія-то отдѣльныя личности и подкопали вѣру въ античную миѳологію. Отражалъ ли на себѣ свою эпоху Ѳалесъ, когда проповѣдовалъ политическую конфедарацію городовъ? Конечно, нѣтъ, а между тѣмъ идея эта осуществилась позднѣе въ ахейскомъ союзѣ, когда явились новые проповѣдники идеи и нашли уже болѣе благопріятныя условія для ея осуществленія. Мы не говоримъ, чтобы всякая личная иниціатива была соз-

нательна, но и безъ безсознательнаго уклоненія человѣка отъ господствующаго типа культуры и соціальныхъ формъ, не могло бы быть движенія впередъ. Все, что входитъ въ культуру общества, все, что составляетъ его соціальную организацію, существуетъ въ личности и чрезъ личность: она сознательно или безсознательно создаетъ все это, передаетъ другимъ поколѣніямъ (традиція, консервація) или измѣняетъ по своей инициативѣ. Личность есть факторъ исторіи. Это трюизмъ, и довольно бросить самый бѣглый взглядъ на историко-философскую литературу, чтобы убѣдиться, что таково было ясно формулированное или скрытое убѣжденіе всѣхъ, которые занимались этимъ предметомъ. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы не видѣть въ каждой личности общества —какую-то копію общаго типа, и чтобы допустить возможность направленія одною личностью цѣлыхъ массъ. Тѣмъ не менѣе избитыя истины чаще всего приходится напоминать чтобы ихъ не забывали.

Теперь укажемъ на возможность вліянія на массы со стороны крупныхъ личностей *). Тамъ несомнѣнно быстрѣе измѣняется общество, гдѣ есть болѣе личностей, стремящихся измѣнить данныя его формы и дѣйствующихъ въ томъ или другомъ на-

*) Великіе люди обладаютъ даромъ великихъ замысловъ (*Joly*, 260), соединеніемъ памяти подробностей и терпѣнія въ выполненіи, но память и терпѣніе ихъ не пассивны (261): первая удерживаетъ нужное для замысла, второе посвящено цѣликомъ тому, что нужно для его выполненія. Къ этому присоединяется воображеніе относительно возможнаго и будущаго, соединенное съ вѣрой въ то, что сильно воображается (262 sq.). Великіе люди умѣютъ найти помощь въ современникахъ (113 sq., 155 sq.).

правленія, безразлично по отношенію къ прогрессивности или регрессивности послѣдняго. Наоборотъ, тамъ, гдѣ особенно много такихъ людей, которые стремятся сохранить *statum quo* и для этого имѣютъ силы и средства, или которые живутъ изо дня въ день,—движенія быть не можетъ, тамъ мы видимъ застой. Представимъ теперь, что въ первомъ обществѣ въ умѣ одного человѣка, конечно, недюжиннаго, является идея, положимъ, отобрать землю у населенія въ пользу меньшинства, которое не прочь этимъ воспользоваться и рано или поздно пустило бы въ ходъ эту систему, и вотъ возникновеніе такой идеи въ умѣ нашей гипотетической личности и организація ею съ такою цѣлью меньшинства ускоряетъ процессъ. Но крупная личность можетъ придумать и другую систему, организовать другія силы, чтобы замедлить подобный процессъ или даже его остановить. Вообще можно сказать, что такія личности дѣйствуютъ именно ускоряющимъ или замедляющимъ образомъ на тотъ или другой процессъ, совершающійся въ обществѣ. Дѣятельность лица, ускоряющаго прогрессивный процессъ или замедляющаго регрессивный, есть прогрессивная, и наоборотъ, дѣятельность лица, помогающая процессу регрессивному и задерживающая процессъ прогрессивный, есть дѣятельность регрессивная. Въ томъ, что такія личности имѣютъ громадное вліяніе на исторію, нѣтъ никакого чуда, ибо каждое изъ нихъ не является, какъ *deus ex machina*, а дѣйствуетъ въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ. Замѣчательно, что крупныя личности появляются въ эпохи внутренняго броженія, когда въ обществѣ есть элементы, такъ или

отрицаніе того, что иниціатива каждой личности есть лишь выраженіе идей, зарождающихся въ обществѣ, въ немъ назрѣвающихъ: иниціатива есть продуктъ состоянія общества на данной ступени развитія, переработанный личною мыслью, а потому не можетъ играть роль историческаго фактора такая иниціатива, которая не имѣетъ ничего общаго съ жизнью. Указанный упрекъ мыслимъ только съ точки зрѣнія неправильнаго въ данномъ случаѣ противоположенія личности, какъ единицы, обществу, какъ совокупности подобныхъ единицъ, какъ-будто личность, вносящая въ жизнь иниціативу, стоитъ внѣ общества, и какъ-будто послѣднее состоитъ не изъ личностей, способныхъ къ иниціативѣ: я именно противопологаю личную иниціативу, какъ инновацію, духовной и общественной традиціи, какъ однообразному повторенію личностями установившихся идей, поступковъ и отношеній, и въ этомъ смыслѣ говорю, что безъ инноваторской дѣятельности личности и культура, и соціальныя формы по сущности оставались бы неподвижными. Видя въ обществѣ не простую сумму индивидуумовъ, но особаго рода по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ среду, которой даю названіе надъ-органической и формы которой называю культурою, я опредѣляю личную иниціативу именно какъ освобожденіе личности отъ подчиненія этой средѣ, т. е. отъ совершающагося вокругъ личности повторенія однихъ и тѣхъ же идей, поступковъ и отношеній. На сдѣланномъ мною отдѣленіи личности отъ надъ-органической среды, которое не позволяетъ смотрѣть на общество, какъ на простую сумму личностей, и построено наше ученіе о личной

иниціативѣ, какъ факторѣ движенія исторіи. Нельзя же думать, что культура и соціальныя формы измѣняются безъ дѣйствія личностей, которое предполагаетъ ихъ иниціативу. Но если необходима личная иниціатива, то необходимо также опредѣленное отношеніе общества къ этой иниціативѣ. Само появленіе новыхъ мыслей, поступковъ, отношеній есть одно изъ звеньевъ той равнодѣйствующей общественнаго мышленія и поведенія, по которой идетъ исторія, повинуясь законамъ эволюціи и въ зависимости отъ общихъ условій историческаго бытія каждаго народа.

Нужно ли прибавлять, что если человѣкъ является творцомъ исторіи, то цѣлью его творчества бываетъ опять-таки человѣкъ, т. е. опредѣленная личность или извѣстная совокупность личностей? Человѣкъ дѣлаетъ то, что ему кажется полезнымъ для самого себя или для другихъ, съ которыми онъ связанъ узами солидарности національной, политической, религіозной, соціальной, экономической или общечеловѣческой. Хотя государство, право, экономическія отношенія и т. п. возникаютъ помимо сознанія человѣка, т. е. не суть результаты общественнаго договора, но разъ человѣкъ начинаетъ сознавать свое *я*, онъ смотритъ на всѣ естественные продукты психическаго взаимодѣйствія и на формы общежитія, какъ на существующія для него и по отношенію къ нему, и онъ, то или другое отъ нихъ испытывая, такъ или иначе и стремится ихъ измѣнять. Онъ не останавливается на томъ, что таковъ-де законъ природы, а хочетъ его измѣнить: онъ чувствуетъ себя господиномъ природы, и онъ правъ въ этомъ отношеніи. Если мы

обобщимъ данныя въ дѣйствительности отношенія, то получимъ формулы дѣйствія естественныхъ законовъ, но эти формулы могутъ оскорблять болѣе развитое чувство, которое тогда стремится преобразовать или приспособить естественныя отношенія для своихъ высшихъ цѣлей, выйти изъ-подъ власти природы. Аристотель говорилъ, что рабство—законъ природы. Да, оно результатъ дѣйствія закона природы, ибо основано на побѣдѣ сильнаго надъ слабымъ, но въ сущности всѣ разсужденія Аристотеля суть обобщеніе фактовъ общественной жизни, выданное за законъ, его же не прейдеши. Однако, уже римскіе юристы додумались до того, что рабство не законъ природы, а человѣческое установленіе. Не находимся ли и мы иногда въ положеніи Аристотеля, обобщая факты дѣйствительности и выдавая ихъ за естественные законы, ихъ же не прейдеши? Законъ долженъ быть не эмпирическимъ обобщеніемъ, но доказанъ изъ природы вещи, изъ ея сущности. Борьба за существованіе—законъ органическаго міра, поскольку организмы распложаются быстрѣе средствъ для ихъ существованія, что опять-таки можно доказать *). Но разъ мы можемъ доказать, что принципъ общества—солидарность, что на почвѣ психическаго взаимодѣйствія возникаютъ альтрюистическія чувства, что прогрессъ человѣческихъ знаній можетъ довести интензивность соціальнаго хозяйства до *nec plus ultra*,

---

*) *Дарвинъ*. О происхожденіи видовъ, 51 sq. Дарвинъ говоритъ, что „это ученіе Мальтуса, приложенное къ растительному и животному царству и приложенное въ строжайшемъ его смыслѣ, потому что здѣсь невозможно ни искусственное умноженіе пищи, ни осторожное воздержаніе отъ брака“. *Ibid.*, 52.

что природа даетъ человѣку, вооруженному техническими изобрѣтеніями, болѣе, чѣмъ ему лично нужно, и примѣни человѣкъ къ жизни все, чѣмъ можно убить борьбу за существованіе въ обществѣ,—развѣ мы станемъ говорить, что антагонизмъ—соціологическій законъ, его же не прейдеши? Мальтусъ, создавая свою знаменитую теорію, былъ въ положеніи Аристотеля, но нашлись и тутъ „римскіе юристы", которые сказали, что это происходитъ не *jure naturali*, а *jure gentium* и *jure civili*. Культурныя и соціальныя формы создавались въ исторіи подъ сильнымъ вліяніемъ дѣйствія законовъ природы. Но это было творчество слѣпыхъ силъ природы, создавшихъ общество такимъ, какимъ оно могло быть по законамъ природы и по обстоятельствамъ мѣста и времени. Природа не заботилась о томъ, хорошо или дурно будетъ человѣку при томъ общественномъ строѣ, какой создали ея слѣпыя силы. Но человѣкъ захотѣлъ подчинить себѣ то, что надъ нимъ выстроила природа, приладить общество къ своимъ цѣлямъ: надъ продуктами безсознательной соціальной жизни, надъ государствомъ, основаннымъ грубою силою, надъ обычнымъ правомъ, надъ экономическими отношеніями, созданными естественнымъ развитіемъ, началась работа сознательной мысли, явился дуализмъ реальнаго и разумнаго, дѣйствительности и идеала. Человѣкъ увидѣлъ, что самъ онъ творитъ всѣ соціальныя формы, что если онъ прежде творилъ ихъ въ одномъ направленіи, то можетъ творить и въ другомъ, что онъ можетъ ихъ пересоздавать такъ, чтобы онѣ, дѣйствительно, служили его потребностямъ,—и тогда началась человѣческая исто-

рія. Всѣ измѣненія въ политикѣ, правѣ, экономическихъ отношеніяхъ вышли изъ сознанія индивидуума, выраженнаго въ формулѣ: „не я существую для нихъ, а онѣ для меня; слѣдовательно, не я долженъ къ нимъ прилаживаться, а онѣ ко мнѣ“. Это былъ существенно новый моментъ во всемірной жизни: до этого момента среда подчиняла себѣ всякое существо, теперь среда должна подчиниться разумному существу; прежде часть существовала для цѣлаго, теперь отъ цѣлаго требуется, чтобы оно служило части; прежде существовало одно реальное, теперь стало возникать и идеальное.

Мы разсмотрѣли, что̀ движется въ исторіи (идеи и учрежденія) и что̀ движетъ (личная инниціатива). Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о формѣ движенія, мы должны предварительно рѣшить еще такой вопросъ: почему вообще возможно движеніе культуры? Дѣло въ томъ, что дѣятельность личности не можетъ оказывать измѣняющаго вліянія на всю культуру сразу, но разъ сдѣлано измѣненіе въ одномъ изъ ея элементовъ, и другіе необходимо должны придти въ движеніе въ силу соотвѣтствія, какое между ними существуетъ. Историческою же дѣятельностью мы называемъ именно такую, которая прямо или косвенно, посредственно или непосредственно измѣняетъ тѣ или другія условія существованія общества, условія, сводящіяся въ общемъ къ его идеямъ и учрежденіямъ, къ духовной культурѣ и соціальнымъ формамъ. Контъ раздѣлилъ соціологію на двѣ части —на соціальную статику и соціальную динамику; первая имѣетъ предметомъ основное изученіе условій существованія общества, вторая—изученіе законовъ

его постояннаго движенія*). Иначе это—ученія о порядкѣ и прогрессѣ,—поясняется Контомъ**). Въ статику, говоритъ онъ, войдетъ ученіе объ одновременной связи соціальныхъ явленій***),—замѣтимъ соціальныхъ явленій, а не людей,—и вотъ, исходя изъ этого понятія о статикѣ мы можемъ дать общій отвѣтъ на поставленный выше вопросъ****). Статика изучаетъ явленія покоя, неизмѣняемости, факторами которой являются въ біологіи органическая наслѣдственность, въ психологіи—культурная традиція, въ соціологіи—соціальная консервація формъ: строеніе животнаго тѣла, соотношеніе элементовъ культуры, взаимодѣйствіе соціальныхъ формъ изучаются статикой, ибо управляются особыми законами. Невозможна, напримѣръ, такая культура, элементы которой были бы слишкомъ разнородны, какъ невозможенъ соціальный строй, состоящій изъ соединенія демократической республики съ suffrage universel всего населенія, юридически-замкнутыхъ кастъ и принадлежности всей поземельной собственности и капиталовъ одному деспоту, какъ невозможно соединеніе вполнѣ научнаго міросозерцанія всей массы съ восточ-

*) *Comte.* Cours de philosophie positive, IV, (321 изд. 3).

**) *Ibid*, IV, 232.

***) *Ibid*, IV, 254 sq. Онъ называетъ эту связь солидарностью элементовъ соціальной среды (235 sq.), consensus social, connexité (237), consensus général de l'organisme social (241), consensus universel de l'ogranisme social (242), l'harmonie sociale (251) и т. п.

****) Весьма удачное примѣненіе статической и динамической точекъ зрѣнія къ изученію культуры см. въ Исторіи общественности *Стронина* Спб. 1885.

нымъ деспотизмомъ у дикарей, совершенно внутренне не дисциплинированныхъ. Дѣйствительно, существуетъ извѣстное соотношенie между расовыми особенностями, культурными элементами и соцiальными формами въ каждой нацiи. Въ свою очередь соцiальная динамика изучаетъ явленiя движенiя, измѣняемости, факторами которой являются индивидуальныя уклоненiя отъ общаго типа въ природѣ и исторiи: это движенiе тоже должно подчиняться извѣстнымъ законамъ, извѣстной постепенности, извѣстному развитiю признаковъ вида, элементовъ культуры, соцiальныхъ формъ. Отъ грубаго фетишизма нельзя прямо перейти къ научному мiросозерцанiю, отъ узкаго патрiотизма древняго аѳинянина къ христiанскому космополитизму, отъ деспотизма персидскаго государства къ свободѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, отъ строгаго древняго права къ гуманнымъ законодательствамъ развитыхъ нацiй, отъ экономическаго строя, основаннаго на рабствѣ, къ системѣ ассоцiацiй: между этими крайними терминами должны быть естественные переходы, необходимыя ступени,—другими словами, есть законы исторической эволюцiи мiросозерцанiя, морали, государства, права, экономическихъ отношенiй, короче—законы психологической и соцiальной динамики. Психически-соцiальныя явленiя должны быть связаны строгою гармонiей, когда они существуютъ одновременно, и строгою послѣдовательностью во времени, т. е. когда они смѣняютъ одно другое. Если бы всѣ народы земли были одной расы, жили въ совершенно одинаковыхъ условiяхъ, были одинаково многочисленны и не подвергались никакимъ случайностямъ, то мы могли бы видѣть зрѣ-

лище совершенно одинаковаго перехода ихъ изъ совершенно одинаковыхъ состояній въ совершенно же одинаковыя. Если этого нѣтъ, то причина въ различныхъ условіяхъ, среди которыхъ приходится дѣйствовать динамическимъ законамъ. Исторія есть равнодѣйствующая динамическихъ законовъ и цѣлой массы условій, въ этихъ законахъ не содержащихся. Устраняя эти условія, сравнительно-историческое изученіе культуры и соціальныхъ формъ отчасти можетъ установить динамическіе законы культуры и соціальной организаціи.

Для историка, конечно, особенно важна динамика, но и статика имѣетъ громадное значеніе. Такъ какъ общество—явленіе очень сложное, то между элементами его культуры и соціальными формами не можетъ быть постояннаго равновѣсія, поскольку общество распадается на классы, которые въ разныхъ отношеніяхъ опережаютъ другъ друга, въ силу чего чувствуется вѣчное несоотвѣтствіе, напр., политическихъ отношеній съ экономическою организаціей, умственнаго развитія части общества съ правовыми нормами другой и т. д.: по закону статики одно должно приладиться къ другому и начинается движеніе. Литтре правъ утверждая, что гдѣ есть ассоціація различныхъ личностей, тамъ необходимо наступаетъ динамическое состояніе общества и что статическое состояніе мыслимо только у животныхъ: гдѣ дѣйствуетъ личная иниціатива, тамъ происходитъ вѣчное разрушеніе старыхъ элементовъ культуры и старыхъ формъ соціальнаго быта. Мало того: какой элементъ, какая форма начнетъ раньше измѣняться, будетъ зависѣть уже отъ

частныхъ условій, а потому такъ и непохожа жизнь одного общества на жизнь другого. Поэтому въ дѣйствительности мы видимъ отклоненія какъ отъ естественнаго соотношенія элементовъ культуры, такъ и отъ естественной послѣдовательности ихъ развитія. Уже не отъ этихъ законовъ зависитъ, какой элементъ старой культуры будетъ разрушенъ первый, какая соціальная форма сначала будетъ измѣнена личной инициативой: это—результатъ многообразныхъ условій, которыя, какъ разнообразно опредѣляющія людей, вліяютъ на то, что личная инициатива вѣчно нарушаетъ правильность эволюціи и дѣлаетъ невозможнымъ однообразное подчиненіе обществъ законамъ статики и динамики. По той же причинѣ исторія многимъ кажется совершающеюся по безразсудной и безосновательной фантазіи людей, дѣйствующихъ по совершенно свободной волѣ.

Контъ вноситъ въ исторію понятіе эволюціи (évolution spontanée): и вся его философія исторіи представлена въ видѣ планомѣрной эволюціи. Мы видѣли, что въ дѣйствительности исторія не была *такой* эволюціей: не только столкновеніе народовъ, но и отдѣльныя событія въ исторіи одного общества представляютъ изъ себя постоянные кризисы, постоянныя нарушенія планомѣрной эволюціи. Исторія вся слагается изъ эволюціи и кризисовъ, и главная причина послѣднихъ—нарушеніе статическаго закона взаимнаго соотвѣтствія элементовъ культуры и соціальныхъ формъ. Эволюція одного элемента прикосности другихъ вызываетъ тенденцію къ возстановленію равновѣсія: либо сама эволюція должна прекратиться, либо вызоветъ кризисъ въ другихъ. Или

бываетъ и такъ, что кризисъ, совершившійся личными инициативами въ одномъ направленіи, вызываетъ эволюцію въ другихъ. Вотъ нѣсколько историческихъ примѣровъ, взятыхъ наудачу. Въ числѣ причинъ *политической* революціи въ Англіи XVII в. одинъ изъ ея историковъ, Гизо, видитъ и причину *соціальную*: „уже прошелъ цѣлый вѣкъ, говоритъ онъ, какъ произошли большія перемѣны въ относительной силѣ разныхъ классовъ среди общества, но онѣ не сопровождались аналогическими перемѣнами въ правительствѣ", а характеризуя эти перемѣны онъ говоритъ о людяхъ средняго сословія, что они болѣе выросли, нежели поднялись (ils avaient grandi plus qu'ils ne s'étaient élevés), т. е. ихъ экономическое значеніе не соотвѣтствовало болѣе ихъ политическому положенію*). Извѣстно, что такова же была одна изъ причинъ французской революціи 1789 г., къ чему еще присоединялось несоотвѣтствіе между умственнымъ и политическимъ состояніемъ страны. Наоборотъ, современный соціальный вопросъ на З. Европы есть сознанное противорѣчіе принциповъ экономической жизни съ принципами политической, гражданскими свободой и равенствомъ: строй экономическаго общества не соотвѣтствуетъ строю общества политическаго. Съ другой стороны, мы знаемъ, что религіозная реформація, вызванная отчасти умственнымъ движеніемъ и перемѣнившимися соціальными отношеніями, была толчкомъ и чисто политическихъ движеній. Дѣло въ томъ, что элементы культуры и соціальныя формы не находится въ ма-

*) *Guizot*. Histoire de la révolution d'Angleterre. Bruxelles, 1850. I. 11 и 12.

теріальной связи между собою: въ природѣ часть не можетъ двигаться независимо отъ цѣлаго, въ обществѣ, гдѣ нѣтъ этой матеріальной связи, одни элементы культуры и соціальныя формы могутъ совершать эволюцію при застоѣ другихъ, ибо связь между ними не матеріальная. Но связь все-таки существуетъ: это—общій принципъ, общая идея, которые соединяютъ въ одно цѣлое отдѣльные элементы культуры и соціальныя формы на каждой ступени ихъ эволюціи. Законы статики требуютъ, напр., чтобы міросозерцаніе было цѣльно, чтобы если ужъ человѣческое достоинство ни во что не ставится, то принципъ этотъ проводился вездѣ, и въ политикѣ (деспотизмъ), и въ правѣ (жестокія наказанія), и въ экономической жизни (рабство). Не эта ли идея лежитъ въ основѣ всего *Духа законовъ* Монтескье? Дѣйствительно, это—трактатъ по соціальной статикѣ. Пожалуй, даже, статика есть своего рода логика, ибо связью между элементами культуры и соціальными формами служитъ духовная сторона человѣка: въ общемъ всѣ постоянныя идеи даннаго общества связаны между собою логически, ибо носителемъ ихъ является человѣкъ, вѣрнѣе—умъ человѣка, а онъ дѣйствуетъ по законамъ логики. Равнымъ образомъ соціальныя формы покоятся на сознательномъ или безсознательномъ признаніи ихъ человѣкомъ, а тутъ тоже должна быть своя логика: принципы, на коихъ зиждутся политическія, юридическія и экономическія отношенія, не могутъ быть въ явномъ противорѣчіи, и разъ послѣднее наступаетъ, человѣкъ возстановляетъ равновѣсіе. То же самое слѣдуетъ сказать и о законахъ соціальной динамики: разъ мы можемъ разло-

жить, напр., міросозерцаніе и этику народа на идеи, а соціальныя формы свести къ принципамъ, то эволюція идей и принциповъ иначе совершаться не можетъ, какъ по законамъ логики.

Но если бы мы на этомъ остановились, то должны были бы придти къ полному оправданію идеологіи въ соціологіи и философіи исторіи. Законы соціальной статики и соціальной динамики лишь постольку могутъ быть названы логическими, поскольку относятся къ области психологіи, лежащей въ основѣ соціологіи, т. е. поскольку управляютъ явленіями внутренняго міра человѣка. Если бы мы имѣли исторію одного человѣка, живущаго тысячи лѣтъ, то ходъ его умственнаго развитія былъ бы совершенно логическимъ процессомъ. Но психическое взаимодѣйствіе индивидуумовъ есть вѣчное нарушеніе одними людьми цѣльности міросозерцанія и правильности развитія другихъ; чтобы законы логики управляли явленіями соціальной статики и динамики, нужно, чтобы всѣ члены общества мыслили совершенно одинаково. Такимъ образомъ самый фактъ психическаго взаимодѣйствія нарушаетъ логику въ устройствѣ и исторіи общества. Съ другой стороны не будемъ забывать, что общественныя формы существуютъ не въ одномъ сознаніи членовъ общества: онѣ представляютъ изъ себя и внѣ сознанія систему постоянныхъ отношеній, которую сравниваютъ съ машиной или организмомъ,—должны же эта система, эта машина, этотъ организмъ имѣть свои законы статики и динамики! Вотъ если бы общество вытекало изъ *contrat social*, мы могли бы говорить о логикѣ соціологическихъ законовъ. Нѣтъ ли законовъ роста обще-

ствъ, развитія ихъ внѣшнихъ формъ и т. п.? Вѣдь это все процессы независимые отъ процессовъ принципіальныхъ. Должны же быть еще законы, такъ сказать, соціальной архитектуры, статика элементовъ соціальныхъ формъ. Исторія общества не есть смѣна только идей и принциповъ, но и учрежденій въ широкомъ смыслѣ этого слова: учрежденія могутъ быть аналогичны, но принципы ихъ разные; аналогичные принципы могутъ лежать въ основѣ разныхъ учрежденій. Процессъ развитія послѣднихъ не совпадаетъ съ процессомъ развитія принциповъ: большое государство будетъ сложнѣе маленькаго, но въ основѣ обоихъ можетъ лежать одинъ и тотъ же принципъ; Китай и Франція—большія и сложныя государства, но принципы ихъ различные, какъ различны принципы малыхъ и малосложныхъ соціальныхъ единицъ, каковы, напр., древнія Аѳины и современная Черногорія. Эту сторону дѣла и имѣетъ въ виду Спенсеръ въ своихъ *Основаніяхъ соціологіи*. Онъ говоритъ, напр., объ общественномъ ростѣ: „общества, какъ и живыя существа, зачинаются изъ зародышей,—т. е. берутъ свое начало отъ такихъ скопленій, величина которыхъ крайне ничтожна по сравненію съ тою, которой они достигаютъ впослѣдствіи. Процессъ интеграціи, прямой и косвенной, породилъ, въ теченіи времени, такіе общественные аггрегаты, которые по своей обширности превосходятъ въ милліоны разъ тѣ мелкіе общественные аггрегаты, которые одни только существовали въ самыя отдаленныя времена человѣческой исторіи“ *). Но, приба-

*) *Спенсеръ*. Основанія Соціологіи, II. 515. Мы не критикуемъ здѣсь спенсеровскаго параллелизма, но важно уже

вимъ отъ себя, большой аггрегатъ можетъ покоиться на томъ же принципѣ, что и маленькій: можетъ быть деспотическое государство съ юридическою неравноправностью и экономическимъ рабствомъ, состоящее изъ нѣсколькихъ общинъ и состоящее изъ обширной страны. Наоборотъ, маленькая община, не разростаясь численно и не интегрируясь съ другими въ болѣе обширное политическое тѣло, можетъ перейти къ формамъ свободнаго государства, съ гражданскимъ равенствомъ членовъ и экономическою независимостью населенія. Спенсеръ говоритъ еще о строеніи общества, находя, что „возростаніе общей массы сопровождается обыкновенно возростаніемъ сложности строенія. Параллельно съ той интеграціей, которая составляетъ первичную черту развитія, обнаруживается въ высокой степени и вторичная черта развитія, заключающаяся въ дифференціаціи *). Но и тутъ опять мы видимъ несовпаденіе между дифференцированіемъ и эволюціей принципа: средневѣковая феодальная система—очень сложная структура общества, но принципы ея возможны и при крайне несложныхъ формахъ; кастическая Индія и Сѣверо-Американскіе Штаты очень сложныя системы, но принципы ихъ различны. Вотъ почему мы строго различаемъ между понятіями эволюціи и про-

---

то, что онъ признаетъ „такой способъ надъ-органическаго роста, который ненаходитъ себѣ ни малѣйшей аналогіи въ органическомъ ростѣ,—это ростъ путемъ миграціи, или перехода единицъ изъ одного общества въ другое“. *Ibid.*, II, 522. Это—результатъ дискретности общества.

*) *Ibid.*, II, 523.

гресса: эволюція есть развитіе формъ, прогрессъ есть развитіе принципа, сущности, идеи; эти два процесса не совпадаютъ, и одинъ изъ нихъ есть фактъ объективнаго наблюденія, другой—фактъ для субъективной оцѣнки. Соціальная эволюція есть процессъ интеграціи и дифференціаціи формъ; соціальный прогрессъ есть процессъ воплощенія въ этихъ формахъ высшихъ принциповъ.

Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ сущность историческаго процесса. Дѣятельность общества совершается въ извѣстной надъ-органической средѣ (культурѣ и соціальной организаціи), и эволюція этой среды составляетъ одну сторону процесса. Другую сторону составляетъ дѣятельность личностей, вліяющая на эту эволюцію. Это разъ. Во-вторыхъ, такъ какъ общество состоитъ изъ разныхъ личностей, то каждая изъ нихъ дѣйствуетъ особеннымъ образомъ на движеніе надъ-органической среды, и оно идетъ не по прямой, а по очень неправильной линіи; вслѣдствіе же того, что сама эта среда въ своихъ формахъ распадается на множество элементовъ, дѣйствіе личностей оказываетъ неодинаковое вліяніе на эволюцію отдѣльныхъ элементовъ, и послѣдніе опережаютъ одинъ другой. Въ-третьихъ, вслѣдствіе того, что между элементами должно быть равновѣсіе, само собою понятно, что отъ этой неравномѣрности дѣйствія на нихъ личностей и неравномѣрности ихъ собственнаго хода между ними происходитъ несоотвѣтствіе, которое должно быть устранено: это устраненіе несоотвѣтствія совершается путемъ взаимнаго вліянія элементовъ одинъ на другой, что вызываетъ постоянные кризисы, т. е. либо остановку въ эволюціи,

либо направленіе ея въ другую сторону, но во всякомъ случаѣ въ культурѣ или соціальной организаціи происходитъ перемѣна. Такимъ образомъ механизмъ исторіи сводится къ взаимодѣйствію личностей и надъ-органической среды, къ взаимодѣйствію людей между собою подъ вліяніемъ среды и къ взаимодѣйствію элементовъ послѣдней подъ вліяніемъ дѣятельности человѣка. Возьмемъ такой гипотическій примѣръ: возникаетъ соціальная организація, эволюція коей состоитъ въ интегрированіи цѣлаго и дифференцированіи частей и одновременно возникаетъ умственная дѣятельность, заключающаяся въ эволюціи самосознанія личной индивидуальности; до поры, до времени второй процессъ отстаетъ отъ перваго, но вотъ являются какія-бы то ни было условія, ускоряющія личное развитіе, и кризисъ дѣлается неизбѣжнымъ: новыя понятія могутъ найти, что первая эволюція въ подчиненіи личности цѣлому и въ раздѣленіи между ними занятій зашла слишкомъ далеко; идеи и учрежденія должны быть поэтому приведены въ соотвѣтствіе, и вотъ одна изъ эволюцій подвергается кризису, т.-е. либо учрежденія измѣняются коренными образомъ подъ вліяніемъ идей, либо идеи, ушедшія впередъ, гибнутъ, и умственное состояніе общества возвращается къ прежней фазѣ эволюціи. Мы взяли здѣсь только два процесса и взаимодѣйствіе ихъ только въ моментъ кризиса. Въ сущности въ жизни общества совершается масса отдѣльныхъ эволюцій, находящихся въ постоянномъ взаимодѣйствіи и вѣчно угрожаемыхъ кризисами. Историческій процессъ, такимъ образомъ, состоитъ въ совершаемой дѣятельностью общества эво-

люціи надъ-органической среды, эволюціи, нарушаемой постоянными частными и общими кризисами и составляющей одно изъ условій той самой дѣятельности, которая эту эволюцію производитъ.

Мнѣ могутъ возразить, что принятіемъ кризисовъ я подрываю самую идею эволюціи, но особенность моего взгляда та, что я общую эволюцію, которую представляетъ изъ себя исторія, разлагаю на частныя эволюціи. Этого требовали научный анализъ вообще, а въ частности—существованіе въ исторіи множества переплетающихся причинныхъ цѣпей, сложность каждаго историческаго движенія, какъ состоящаго изъ совокупности элементарныхъ процессовъ, распаденіе культуры на отдѣльные элементы, изъ коихъ каждый имѣетъ свою эволюцію, при возможности несоотвѣтствія однихъ элементовъ другимъ и необходимость расчлененія тенденціи прогресса на нѣсколько отдѣльныхъ тенденцій. Расчленяя общую эволюцію на частныя эволюціи, я утверждаю далѣе, что нарушеніе одной частной эволюціи другою вызываетъ кризисъ. Аналогію этому представляетъ изъ себя отношеніе необходимости и случайности: общую необходимость (феноменологическую) всего совершающагося можно разложить на частныя необходимости, т.-е. отдѣльные причинные ряды, и встрѣча одного причиннаго ряда съ другимъ, отъ него независимымъ, производитъ случайность. Понятіе кризиса такъ-же не противорѣчитъ идеѣ эволюціи, какъ понятіе случайности не противорѣчитъ идеѣ необходимости: каждая случайность есть результатъ встрѣчи частныхъ необходимостей, каждый кризисъ

есть результатъ вліянія одной частной эволюціи на другую. Въ *общемъ* исторія есть, конечно, эволюція, но въ частностяхъ на дѣло можно смотрѣть иначе. Такимъ образомъ *частные* историческіе кризисы составляютъ интегральные элементы *общей* исторической эволюціи, а потому мое пониманіе кризисовъ основано на расчлененіи общей эволюціи на частныя. Разъ есть возможность указаннаго расчлененія, необходимо признать, что одна частная эволюція можетъ нарушать другую и производить, такимъ образомъ, кризисъ. Кризисъ, т.-е. внезапный переворотъ, есть нѣчто противоположное эволюціи, т.-е. постепенному и послѣдовательному развитію, но каждый кризисъ только относителенъ: онъ не вытекаетъ изъ *одной* эволюціи, если она не нарушается *другою*; такъ какъ мы можемъ говорить не объ одной эволюціи общей, но и о многихъ эволюціяхъ частныхъ, какъ составныхъ частяхъ первой. Все, значитъ, въ томъ и состоитъ, что, считая науку вправѣ производить такой анализъ, я считаю ее вправѣ говорить и о кризисахъ, не противорѣча идеѣ эволюціи вообще. Правда, возраженіе можетъ быть направлено на кризисы не какъ на историческіе факты, а какъ на факторы историческаго прогресса. Но весь историческій процессъ, частный видъ котораго мы называемъ прогрессомъ, и состоитъ именно изъ историческихъ фактовъ, двигающихъ общество то впередъ, то назадъ, т.-е. прогрессивныхъ или регрессивныхъ. Расчленяя, такимъ образомъ, общую эволюцію на частныя, мы можемъ сказать, что пять главныхъ элементовъ культуры имѣютъ каждый свою эволюцію, соотвѣтствующую разнаго рода дѣя-

тельностямъ человѣка: 1) эволюція міросозерцанія состоитъ въ постепенномъ познаваніи окружающаго міра, 2) эволюція этики—въ постепенномъ творчествѣ идеаловъ, 3) эволюція политической организаціи—въ дѣятельностяхъ, ведущихъ къ постепенному подчиненію общества единой власти и его расчлененію на отдѣльные классы, 4) эволюція правовой регуляціи—въ постепенномъ создаваніи способовъ организованной защиты интересовъ, 5) эволюція экономической кооперацiи—въ постепенномъ соединеніи общественныхъ силъ для добыванія матеріальныхъ средствъ къ жизни. Когда та или другая эволюція приноситъ человѣку благо, а не вредъ (какъ эволюція ложной идеи, эволюція невѣрнаго идеала, эволюція деспотическаго и кастическаго государства, эволюція грубыхъ способовъ защиты несправедливыхъ интересовъ, эволюція сотрудничества безъ справедливаго распредѣленія), она есть прогрессъ. Одновременные результаты каждой эволюціи находятся въ гармоніи: это законъ статики. Гармонія, которую объективно изучаетъ соціальная статика, не есть непремѣнно гармонія съ субъективной точки зрѣнія: политическій деспотизмъ индусскихъ раджъ, юридическая неравноправность кастъ, экономическое порабощеніе массъ въ Индіи очень гармонически соединены въ одно цѣлое, но здѣсь нѣтъ гармоніи съ человѣческой точки зрѣнія. И изъ долговременной устойчивости такого общества нельзя вывести заключенія о его совершенствѣ: наоборотъ, чѣмъ отсталое общество неустойчивѣе, тѣмъ болѣе шансовъ на то, чтобы оно прогрессировало.

Что касается до дѣятельности личностей, то по отношенію къ ея результатамъ она бываетъ то безсознательною, такъ сказать, стихійной и самопроизвольной (spontanée), то сознательною, преднамѣренной. Такіе продукты первой, каковы миѳологія, народная поэзія, первобытныя формы общества, обычное право и т. п., особенно представляютъ изъ себя примѣры естественной эволюціи, но дѣятельность сознательная есть уже направленіе самимъ человѣкомъ своей исторіи, посредствомъ соотвѣтственнаго комбинированія элементовъ надъ-органической среды. До момента начала сознательной дѣятельности, основанной на критическомъ отношеніи къ данному порядку вещей и общепризнаннымъ мнѣніямъ, общество остается, такъ сказать, механизмомъ и организмомъ, но тутъ внутри самого механизма является механикъ, его передѣлывающій сообразно съ своими потребностями, внутри самого организма является агентъ, приспособляющій его строй къ своимъ нуждамъ, подобно тому, какъ скотоводъ или садоводъ искусственнымъ подборомъ создаетъ новыя породы животныхъ или новыя разновидности растеній,—словомъ, является художникъ, творящій изъ даннаго въ дѣйствительности матеріала произведеніе искусства. Такой именно характеръ носятъ тѣ элементы культуры и соціальныя формы, которыя мы въ отличіе отъ естественныхъ продуктовъ безсознательной дѣятельности людей, называемъ иногда искусственными: миѳологія Ведъ или гомеровыхъ пѣсенъ и брамаизмъ или неоплатонизмъ, русскія народныя пѣсни и поэзія Пушкина, родовой бытъ древнихъ аѳинянъ и конституціи Солона и Клисѳена, обычное право

древнихъ римлянъ и *Corpus juris civilis*, первоначальная поземельная община и новѣйшая рабочая ассоціація—вотъ примѣры продуктовъ безсознательной и сознательной дѣятельности людей. Мы не говоримъ, что послѣдняя непремѣнно прогрессивна и что первая не осуществляетъ прогресса: гомерическая миѳологія, поземельная община древнихъ арійцевъ представляютъ изъ себя прогрессъ въ сравненіи съ грубымъ фетишизмомъ дикаря, съ случайнымъ скопищемъ первобытныхъ людей, которые могли передраться при каждомъ дѣлежѣ добычи; съ другой стороны, іезуиты сознательно понижали уровень умственнаго развитія общества, англійскіе лорды сознательно обезземеливали народную массу. Въ общемъ ходѣ исторіи сознательная дѣятельность личностей играетъ роль далеко не первую, и усилія единицъ, содѣйствующихъ регрессу или прогрессу, нейтрализуется такъ, что исторія, созерцаемая *à vol d'oiseau*, является громадною, но въ высшей степени сложною эволюціею, по отношенію къ которой всѣ кризисы становятся тѣмъ-же, что по отношенію къ земному шару представляютъ изъ себя громадныя горы, не нарушающія шарообразности земли. Въ этой эволюціи мы можемъ различить два параллельныя теченія, двѣ главныя эволюціи, два различныхъ динамическихъ процесса. Одинъ процессъ—логическаго развитія идей и принциповъ, и его-то, главнымъ образомъ, имѣла въ виду идеалистическая философія исторіи, другой—процессъ развитія внѣшнихъ формъ, который обратилъ на себя преимущественное вниманіе Спенсера въ его *Соціологіи*.

Процессы эволюціи духовной культуры и соці-

альной организаціи находятся въ вѣчномъ взаимодѣйствіи. Соціальныя формы сильны ихъ признаніемъ со стороны идей, господствующихъ въ обществѣ, и сами суть условія для возникновенія и развитія идей въ обществѣ. Такъ какъ на движеніи культуры отражается устройство общества и такъ какъ на измѣненіи соціальныхъ формъ отражается состояніе культуры, то эволюція духовная не можетъ быть строго логическимъ процессомъ, какъ эволюція соціальная не можетъ быть процессомъ чистаго развитія формъ. Первая только приближается къ законамъ индивидуальнаго мышленія, какъ вторая только приближается къ законамъ органическаго развитія. Тутъ заключается нѣкоторое оправданіе мыслителей, видѣвшихъ въ исторіи процессъ логическій (Гегель), и нѣкоторое оправданіе видящихъ въ ней процессъ органическій (Спенсеръ): логика и органическая теорія только вмѣстѣ могутъ намъ помочь распутать механизмъ исторіи. Въ томъ то и заключается сущность надъ-органическаго развитія, что въ немъ развитіе органическое преобразуется въ нѣчто иное процессомъ логическимъ: безъ психической эволюціи соціальная шла-бы, вѣроятно, тѣмъ путемъ, на который указываетъ Спенсеръ. Въ общественной организаціи части связаны новою связью сравнительно съ частями организма: безъ психической связи не было-бы общества, но такъ какъ люди иначе между собою быть связаны не могутъ, то эволюція общества, этого, пожалуй, организма *sui generis*, немыслима безъ эволюціи психической, а она, въ свою очередь, дѣлаетъ невозможною эволюцію общества по аналогіи съ біологическимъ орга-

низмомъ: причина этого въ дискретности общества и въ томъ, что его измѣненія совершаются путемъ духовной дѣятельности личностей, все болѣе и болѣе переходящей въ сознательно-цѣлесообразную.

Но пора, наконецъ, перейти къ болѣе точному опредѣленію понятія *прогресса*, установивъ прежде всего его отличіе отъ понятія *эволюціи**). Въ настоящее время оба эти термина отождествляются многи-

*) Отношеніемъ между понятіями эволюціи и прогресса занимались очень мало. *Caro* въ статьѣ „Le progrès social" (R. d.d. M. 1873,15 oct.) находитъ, что идея эволюціи только шире и общѣе (стр. 761), и что потому у Спенсера идея прогресса исчезаетъ, какъ капля въ океанѣ эволюціи (стр. 770). У *Прудона* мы также находимъ замѣчаніе, что прогрессъ не эволюція (De la justice. III, 5), равно какъ у *Bouillier* (Morale et progrès. P. 1875. стр. 12 sq., 18 sq). Но каждый прогрессъ и эволюцію опредѣляетъ по своему, а потому понимаетъ различно отношеніе между ними. Лично мы исходимъ изъ различенія,даннаго у *Ribot*, не касаясь задѣтаго этимъ писателемъ вопроса о научности и ненаучности идеи прогресса: Une vue plus exacte et en même temps plus large amène à comprendre que le progrès humain n'est qu'une partie du progrès total, et à substituer à ce mot équivoque les termes mieux approrpriés d'évolution ou de devéloppement. Ce changement est d'une grande importance; car à la place d'une opinion humaine, subjective, hypothétique il met une doctrine cosmique, objective, scientifiqne. L'hérédité. P. 1873. Стр. 396. Въ сущности я защищаю идею прогресса, потому что защищаю человѣческую точку зрѣнія, которую Рибо почему-то считаетъ противонаучной: par une *illusion antiscientifique* propre à l'homme en toute chose nous ne considérons le progrès qu'au point de vue humain. *Ibid.*, 395. Въ этомъ отношеніи съ *Рибо* я расхожусь. Въ другомъ сочиненіи онъ говоритъ именно: L'idée qu'on attache en général au mot *progrès* est non seulement vague, mais erronée. On confond le progrès en lui même avec ce qui l'accompagne, avec les bénéfices et les résultats utiles qu'il

ми соціологами*), но другіе находятъ это отождествленіе неправильнымъ**). Мы держимся именно послѣдняго взгляда и вотъ почему. Во-первыхъ, эволюція есть фактъ чисто объективнаго наблюденія, тогда какъ идея прогресса есть продуктъ субъективной оцѣнки: не всякую эволюцію мы должны считать прогрессивною по той простой причинѣ, что бываютъ такія „развитія“, которыя тормозятъ или останавливаютъ прогрессивный процессъ исторіи. Возьмемъ, напр., эволюцію средневѣковаго католицизма, прямо стремившагося къ теократіи, какъ къ политическому принципу со всѣми его послѣдствіями для жизни духовной и общественной: мы можемъ прослѣдить постепенно эту эволюцію, но не можемъ сказать, чтобы ея тенденція совпадала съ тенденціей прогресса умственнаго, нравственнаго и соціальнаго. Во-вторыхъ, понятіе эволюціи равносильно понятію постепенности и послѣдовательности и въ этомъ смыслѣ противополагается внезапнымъ переворотамъ, прерывающимъ, какъ говорится, естественный ходъ вещей, т.-е. тому, что называется кризисами въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Прогрессъ и регрессъ осуществляются не однѣми эволюціями, но

apporte à l'homme. Ce procédé prend l'ombre pour la réalité *(sic!)*. Il faut pour bien comprendre ce qu'est le progrès, rechercher, indépendamment de notre intérêt propre quelle est la nature des changements qui le produisent. La pshychologie anglaise, 169. Но одно другому не мѣшаетъ.

*) См., напр., *Fouillée.* La science sociale, стр. 184—191.

**) *Renouvier.* Critique philosophique, 29 janvier 1888. О Спенсерѣ *Caro* вѣрно замѣчаетъ: il ne s'agit plus pour lui de la conception humaine et sociale qui a servi de point de départ à ses recherches. Le progrès social, 714.

и кризисами: мы называемъ прогрессивнымъ тотъ кризисъ, который прерываетъ регрессивную эволюцію, и регрессивнымъ—тотъ, который прерываетъ прогрессивную. Вся исторія есть громадная совокупность одновременныхъ и послѣдовательныхъ эволюцій и кризисовъ, и задача философа исторіи заключается въ томъ, чтобы прослѣдить въ этомъ разнообразіи явленій судьбу прогресса, будетъ-ли онъ осуществляться или задерживаться всѣми этими эволюціями и кризисами. Въ третьихъ, чтобы узнать законы, управляющіе психической и соціальной эволюціей, можно еще изучать и классифицировать историческіе факты изъ жизни разныхъ народовъ путемъ сравненія этихъ фактовъ, но чтобы составить формулу прогресса, нужно имѣть въ виду идеалъ, постепенное осуществленіе коего посредствомъ частныхъ эволюцій или вопреки имъ мы и называемъ прогрессомъ. Законы эволюціи мы найдемъ еще, пожалуй, въ широкомъ примѣненіи того метода изученія соціальныхъ фактовъ, который былъ, наприм., примѣненъ къ относительно маленькой области Фриманомъ въ его *Сравнительной политикѣ**), но формулу прогресса мы можемъ выработать, только *a priori*, начертавъ себѣ извѣстный идеалъ и указавъ, какая комбинація частныхъ эволюцій въ области мысли и жизни можетъ вести къ осуществленію этого идеала. Поэтому формула прогресса будетъ необходимо субъективно-апріорною: одно дѣло—наблюдать факты, другое—ихъ оцѣнивать; одно дѣло—изслѣдовать

---

*) *Фриманъ* прямо въ своей *Сравнительной политикѣ* указываетъ задачу соціологіи, хотя послѣднее названіе ему и не нравится Сравн. полит., стр. 10 sq., 222.

законы явленій, другое—комбинировать эти законы такъ, чтобы объяснить себѣ возможность того, что мы называемъ прогрессомъ.

Изученіе законовъ эволюціи надъ-органической среды и выработка формулы прогресса представляютъ изъ себя, такимъ образомъ, двѣ различныя задачи: первые добываются все-таки ***a posteriori***, путемъ индукціи и чисто объективнаго метода**); за то вторая не можетъ быть установлена иначе, какъ ***a priori***, сообразно съ нашимъ идеаломъ жизни человѣчества, составляющимъ нѣчто субъективное, какъ исходный пунктъ дедукцій.

**) Для нашей настоящей цѣли, говоритъ *Фриманъ*, мы должны настроить свой умъ такъ, чтобы политическія формы представлялись столь-же безразличными, какъ и формы грамматическія, чтобы переходъ отъ монархіи къ демократіи и отъ демократіи къ монархіи такъ-же мало представлялся намъ подлежащимъ нравственной оцѣнкѣ, какъ и преобразованіе латинскаго языка во французскій. Сравнит. полит., 15. Особенно *Спенсеръ*. Изученіе соціологіи, *passim*.

Находятся въ продажѣ сочиненія Н. И. Карѣева.

Основные вопросы философіи исторіи. Изданіе 2-ое. Спб. 1887. Цѣна за 2 тома 4 р. 25 к.

Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Спб. 1890. Цѣна 4 р.

Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб. 1895. Цѣна 1 р. 25 к.

Исторія западной Европы въ новое время. Спб. 1892—1894. Цѣна I т. 3 р., II и III т. по 3 р. 50 к., IV т. т. 4 р. (V томъ готовится къ печати).

Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени. Спб. 1893. Цѣна 1 рубль.

Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Спб. 1895. Цѣна 50 к.

Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія съ краткимъ указателемъ самообразовательнаго чтенія. Спб. 1895. Цѣна 50 к.

Складъ этихъ и другихъ сочиненій Н. И. Карѣева при типографіи **М. М. Стасюлевича** (С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 линія, д. 28).





